

Глава 36. На востоке солнце, на западе дождь

— Звучит так, будто встретились давние знакомые. — Чистые пальцы Цю Бодэна легко постукивали по каменному помосту. — Впрочем, не исключено, что ты обычный шарлатан из цзянху. Потерявший память герой, принявший заклятого врага за друга, — сюжет старый как мир.

— Ты и правда по-прежнему так любишь представления? — Белоодетый не рассердился; он лишь улыбнулся, и его почти царственная, властная отстранённость чуть смягчилась. — Ничего не помнишь, а из тысяч пьес всё равно удержал в голове все эти ходы? Знал бы — захватил бы для тебя коробочку серебряной пудры да румян: вышел бы на сцену и сам разыграл бы всё — и добро, и зло.

— Верно.

Цю Бодэн упёрся ладонью в камень и спрыгнул с Круглого алтаря.

Рукава его распахнулись, как крылья журавля. Он опустился к воде, но не ушёл под неё. Ногой он встал на лазурную фарфоровую лампу и, отделённый от белоодетого рябью, отсветами воды и колеблющимся пламенем, замер напротив.

— Не назовёшься?

— Имя и фамилия?.. — Белоодетый скользнул взглядом по лампам в серебристом озере. — Фамилия — Хуай, имя — Нинцзюнь.

— Хуай Нинцзюнь? Для выдуманного имени слабовато. — Цю Бодэн шагнул по фарфору и пошёл по озеру, с лампы на лампу; подол его одежд касался огня, но не опалился. — Я пока не могу вспомнить наверняка, но почему-то уверен: даже если мы прежде и были знакомы, то уж точно из тех, кому и полфразы друг другу не сказать без досады. Так что...

Он вскинул взгляд — острый, холодный.

— Если есть что сказать — говори прямо.

— Если есть вражда — хватайся за клинок.

Тени от фарфоровых ламп скользили по дну озера вместе с водной рябью, тая в себе бесчисленные, ежесекундно меняющиеся угрозы. От слов Цю Бодэна притаившееся в них убийство будто разом натянулось струной. Расстояние между ним и белоодетым уже стало таким, на каком лучше всего и выхватывать меч, и бросаться в бой.

Хуай Нинцзюнь покачал головой.

— Ты всё слишком усложняешь, — сказал он. — Я всего лишь пришёл пригласить тебя посмотреть одну пьесу.

— Какую ещё пьесу?

— «На востоке солнце, на западе дождь».

.....

Дождь.

Холодный до самых костей дождь.

— Чтоб тебя... — Лу Цзин по-настоящему содрогнулся, и даже рука, сжимавшая саблю, заметно задрожала. — Проклятый лысый, ты что, решил нас тут насмерть заморозить?

Монах Буду нахмурился и сделал знак говорить тише:

— Дарители, не шумите. Мы ещё не вышли из строя.

— Не вышли?..

Цзо Юэшэн, хмурясь, огляделся. Они стояли на улице, показавшейся смутно знакомой. Крыши и арки-пайлоу тонули в мелкой мороси; их ломаные, косо взлетающие линии всё ещё казались мрачными и тусклыми, но уже не такими беспросветно серыми, как прежде. Всё вокруг больше походило на настоящий город Жу — на город Жу, где алая рыба жу ещё не пробудилась.

Цзо Юэшэн невольно поёжился.

Впервые он видел собственными глазами спящий Город Жу. И это было не просто неярко и неблистательно — это была почти призрачная, сиротливая пустота мёртвого города.

Если, по словам монаха Буду, они всё ещё внутри строя... то где же они тогда?

Монах Буду вздохнул и поднял чётки, заметно потускневшие, чтобы все увидели:

— Эти чётки мне даровал сам Будда. Я хотел с их помощью силой разорвать иллюзорный строй и вернуть всех вас обратно в Город Жу — в доказательство своей невиновности. Но не ожидал,

что вместо этого они приведут нас в «омут заблуждения» городского оракула Чжоу.

— Чжоу... — Лоу Цзян запнулся. — Чей омут заблуждения? Что это значит?

— Эх! — с тоской вздохнул монах Буду. — Омут заблуждения — это примерно то же, что «сердечный демон» или «преграда в сердце». Названия разные, суть одна. И вот за это уж надо благодарить стариков из нашей Школы Будды: каждый день твердят «спасти всех живых», «спасти всех живых» — вот и артефакты у них все такие, только и думают, как мир спасти, не разбирая, кто свой, а кто враг.

Оказалось, у этих чёток было и другое имя — «Переправа через омут заблуждения».

Тот, кто попадал в иллюзорный строй, оказывался пленён иллюзией; это тоже считалось одной из форм «заблуждения». Потому монах Буду и решил, что с помощью способности чёток — «переправлять через омут заблуждения» — сумеет выбраться. Но он и представить не мог, что этот строй управляется духовным сознанием: с ним связаны не только души тех, кто попал внутрь, но и душа того, кто строй создал... А Чжоу Цзянь, раз уж дошёл до того, что убил учителя и отплатил злом за добро, явно давно уже потерял своё сердце.

— С моей нынешней ступенью я, похоже, не могу заставить чётки напрямую обратить городского оракула Чжоу, — беспомощно развёл руками монах Буду. — Так что они просто взяли и привели нас в его воспоминания... Видимо, смысл в том, чтобы мы сами нашли способ вывести его из омута заблуждения.

— Чтоб вас, — дёрнул уголок рта Цзо Юэшэн. — Ну и подстава. Этот щенок из кожи вон лезет, лишь бы нас прикончить, а твои драгоценные бусины всерьёз рассчитывают, что мы ещё и перевоспитывать его будем? Чем, интересно? Даже если мы сунем ему в руки бритву и наголо обреем, не факт, что он тут же обратится к Будде!

— Тсс.

Лоу Цзян вскинул руку, не сводя глаз с другого конца улицы.

— Он идёт.

И впрямь: Чжоу Цзянь вёл за руку ребёнка. Несколько человек инстинктивно дёрнулись спрятаться, но расстояние между ними было слишком маленьким, а по обеим сторонам улицы не нашлось ничего, за чем можно было бы укрыться. В спешке они не успели — Чжоу Цзянь уже подошёл совсем близко.

У всех разом руки легли на рукояти.

— Мы уже почти дома. Не ссорься больше с матерью, хорошо?

— Но я хочу стать девой-жрицей, — шмыгая носом, сказала девочка. — Цзыянь, Цзыянь, поговори с моей мамой, ладно? Ты ведь теперь городской оракул. Если ты скажешь, она согласится.

— Это...

Они — взрослый и ребёнок — медленно ушли вдаль по улице.

Цзо Юэшэн понемногу убрал руку с меча и переглянулся с Лу Цзином.

Чжоу Цзыянь в этом омуте заблуждения был моложе, чем тот, с кем они столкнулись. Он был ещё всего лишь жрецом-оракулом, да и с детьми держался далеко не так легко и привычно, как тогда. По правде сказать, они были с ним почти не знакомы, и когда он внезапно заманил их в ловушку, в них вспыхнула не столько личная ненависть, сколько грубая ярость: «Да ты охренел — на нас руку поднимать?» Они даже успели подумать, не такой ли он ублюдок, как прежний городской оракул Города Фу.

Но, похоже, ублюдок Чжоу всё-таки немного отличался от ублюдка Гэ.

Пока Цзо Юэшэн и Лу Цзин ещё колебались, Лоу Цзян уже прошёл мимо остальных и без слов двинулся следом.

Цзо Юэшэн хлопнул себя по бедру.

Точно! Как они могли забыть: у них же тут вроде как имеется человек, который когда-то едва ли не боготворил этого ублюдка Чжоу. Всё случилось слишком резко, все и позабыли об этом. А ведь теперь, если вспомнить, в иллюзорном строе на улице Пань Лоу Цзян махал мечом с такой свирепостью, какой за ним прежде не водилось.

— Пошли, пошли, не отставать!

Цзо Юэшэн махнул рукой и поспешил за ним.

Когда они уже почти дошли до угла, за которым скрывалась улица, Чжоу Цзыянь вдруг остановился, опустил голову и сказал девочке:

— Подожди здесь немного и никуда не убегай. Я сначала поговорю с твоей мамой.

Девочка послушно замерла на месте.

Чжоу Цзыянь потрепал её по голове и пошёл вперёд.

Лоу Цзян был ближе всех к нему и поначалу решил, что тот что-то заметил, — пальцы сами собой сильнее сжали рукоять меча. Но очень скоро он понял, что ошибся. Чжоу Цзыянь один завернул за угол и бесшумно остановился под карнизом, опустив глаза и молча прислушиваясь к разговору, доносившемуся из двора.

— ...Опять позже, чем в прошлом году.

— И солнца нет, и дождь всё мельче... да что же теперь делать?

— ...

Лоу Цзян понял.

Чжоу Цзыянь не заметил их — просто услышал разговор во дворе и потому велел девочке подождать у угла. Только Лоу Цзян всё равно не понимал, какое отношение всё это имеет к его омуту заблуждения.

Пока он размышлял, голоса во дворе становились всё резче.

— Он один тянет нас всех ко дну. Тогда и вовсе не стоило...

— Что ты мелешь! — грубо оборвал женщину мужской голос. — Что ты, баба, понимаешь!

— Да, я баба, ваших великих слов не понимаю, — зло выплюнула женщина. — Тогда ты сам скажи: что он такого сделал? Ему самому ни в чём отказа нет — что ни попроси, Павильон Гор и Морей всё даст. А наш Город Жу? Что будет с нашим Городом Жу?

— Но ведь он вернулся.

— Вернулся? И что с того? — холодно усмехнулась женщина. — Ну станет оракулом — дальше что? Город всё равно умрёт, а он потом спокойно вернётся и снова будет своим первым гением Павильона Гор и Морей. Потеряет-то он всего несколько лет. И доброе имя при нём останется, и блестящее будущее. Выгодная сделка, ничего не скажешь.

— ...

Лоу Цзян повернулся к Чжоу Цзыяню.

Тот стоял на месте бледный как полотно. Когда спор во дворе стих и прошло ещё немного времени, он поднял руку, потёр лицо — и как ни в чём не бывало пошёл к двери, постучав.

— Кто там?

— Тётушка Ян, это я, — мягко отозвался Чжоу Цзыянь.

Во дворе будто что-то опрокинули, потом поспешно застучали шаги, и дверь со скрипом распахнулась. На пороге показалась встревоженная женщина.

— Ах, Цзыянь, это ты... заходи, заходи скорее! Старик, принеси фиников!

— Не нужно, — совершенно спокойно, с лёгкой виноватой улыбкой ответил Чжоу Цзыянь. — Я только что встретил Доуду. Она боится, что вы её будете ругать, и не решается вернуться.

— Ах ты, негодница, — начала оправдываться женщина, уже пропуская его внутрь.

Дальше слова стали неразборчивыми.

Лоу Цзян отступил на пару шагов и наткнулся на людей у себя за спиной.

Цзо Юэшэн, Лу Цзин и Е Цан стояли с тяжёлыми лицами — они, очевидно, тоже всё слышали.

— Дарители, прежде в Городе Жу тоже бывало солнце, — негромко сказал монах Буду, перебирая чётки.

.....

Городские ворота распахнулись.

Солнечный свет лёг по земле ровной полосой, в один миг разлившись по бескрайним заливным полям. Нежно-зелёные всходы риса тянулись вверх в золотом сиянии. Женщины в головных платках, с бамбуковыми корзинами через плечо, шли по узким межам, а мужчины с мотыгами и вязанками травы, ведя за собой буйволов, брели по вязкой грязи. Цю Бодэн стоял на спине алой рыбы жу длиной локтей в тридцать, и бурная река несла его под полукруглую арку городских ворот.

Старик ударил в гонг и барабаны, и его дряхлый голос покатился по небу и земле.

— Месяц миазмов миновал-о-о!..

— Поля открылись! — громко откликнулись мужчины и женщины, выпрямляясь над рассадой.

— Река божественных рыб открылась!..

— Сей просо и пшеницу!

Стаи алых рыб жу взметнулись над водой, и их чешуя полыхнула ослепительным светом. Они пронеслись над работающими в полях людьми, рассыпая за собой цепочки сверкающих брызг. В небе за городом косяки рыб выгнулись алой радугой, а после снова нырнули в каналы, разделявшие рисовые поля, поплыли по течению — и, проплыв немного, опять высоко выпрыгнули из воды.

Где они проходили, там остатки губительной ци, оставшейся после долгого месяца миазмов, таяли, словно снег.

— Огненное сияние чешуи алых рыб жу рождается от солнечного света, — мягко опустившись рядом с Цю Бодэном, сказал Хуай Нинцзюнь. — Они рыбы, не способные жить без воды, но и без солнца им тоже не обойтись. Нет дождя — они погибнут. Нет солнечного света — они ослабеют.

Потому-то, ослабев, и вынуждены впасть в сон.

Цю Бодэн прошёл несколько шагов по межам.

Высоко на востоке стояло солнце, а на западе скапливался дождь. Годы шли, солнце медленно клонилось всё западнее, а дождь — всё восточнее, будто огромный вращающийся инь-янь из света и влаги, в котором инь и ян постепенно сливались, создавая необычный ритм жизни этого города. Там, где землю заливал солнечный свет, рыбы жу выходили по рекам и очищали поля от губительной ци, накопившейся в толще почвы за весь месяц миазмов. Там же, где непрерывно моросил дождь, рыбы жу то плыли, то всплывали у самой поверхности и осторожно уносили у людей из рук тщательно приготовленные зелёные рисовые лепёшки и закуски.

Во всём городе были и дождь, и свет.

Шумном, живом, полном людского гомона.

Алый цвет рыб жу, зелень шелковицы и злаков, золото восходящего солнца — целая картина мира.

— Так что, — Хуай Нинцзюнь взмахнул рукавом, — ты хочешь его спасти?

.....

Дождь сгустился, и всё вокруг начало стремительно меняться.

Двор, мужчина и женщина, ругавшиеся в нём, — всё исчезло. Лоу Цзян и остальные неподвижно стояли на месте, понимая, что омут заблуждения опять меняется. Некоторое время они ничего не видели, только слышали обрывки голосов — то резких, то приглушённых, но всегда смазанных, неуловимых.

— Цзянь, Цзянь, ещё один ушёл в воду.

— Сколько раз тебе говорить: называй меня городским оракулом. Или хотя бы господином. Совсем уж без почтения.

— Но все зовут тебя Цзянь, Цзянь. Раз всем можно, почему мне нельзя?

— Хорошо сказано: все равны.

Услышав последнюю фразу, Цзо Юэшэн и Лу Цзин едва не подпрыгнули.

Первые три реплики, похоже, принадлежали Чжоу Цзяню и ещё кому-то, но последняя — это ведь был голос Цю Бодэна!

Чтоб их...

Они так разволновались, что чуть не заорали вслух, подумав только одно: ну конечно, молодой господин Цю, в конце концов именно вы и явились с мечом нас вытаскивать. К счастью, монах Буду и Лоу Цзян с двух сторон вовремя их прижали.

Мир вокруг наконец прояснился.

Оглядевшись, все обнаружили, что на этот раз сцена, которую показывал омут заблуждения, им прекрасно знакома. Да это же был тот самый Круглый алтарь, где их и заманили в иллюзорный строй.

И в тот же миг они увидели Цю Бодэна.

Он находился в водной беседке неподалёку от алтаря, смотрел в эту сторону, но взгляд его прошёл сквозь них и остановился прямо на алтаре. Похоже, внутри омута заблуждения ни Чжоу Цзянь, ни сам Цю Бодэн их видеть не могли.

Цзо Юэшэн уже хотел рвануть к Цю Бодэну, но монах Буду хлопнул его по плечу.

Потом показал на Чжоу Цзыяня, одетого в одежды городского оракула, и знаком велел всем сперва следовать за ним.

— Душа, вернись, вернись! Миазмы тяжёлой земли — да прекратятся!

— Душа, вернись, вернись! Беспредельное высокое небо — да прекратится!

— ...

Пение жрецов и дев-жриц стлалось туманом.

Хотя все понимали, что Чжоу Цзыянь их не видит, почему-то всё равно двигались крадучись, втянув головы в плечи, словно воры. Так они поднялись следом за ним на самую вершину Круглого алтаря — и увидели, как он, уверенно орудуя ножом, разделяет труп. Из всех присутствующих Лу Цзин такого зрелища прежде не видел никогда и чуть не вывернулся наизнанку прямо там.

— Этот тип... он что, и вправду какой-нибудь демон? — одними губами спросил Лу Цзин.

Из тех, что человечину жрут.

Лоу Цзян от души ткнул его локтем под рёбра — и тот сразу заткнулся. Тем временем нож Чжоу Цзыяня уже рассёк живот мертвеца, и все разом увидели, как из-под лезвия выкатилась золотая слитка. Чжоу Цзыянь без всякого выражения на лице продолжал обряд Возвращения в воду. Его рука, сжимавшая нож, побелела от усилия, а потом он одним движением вырезал у мертвеца сердце.

— Амиабха, милосердие, — тихо произнёс монах Буду. — Так я и думал.

— Ч-что?.. — спросил Лу Цзин.

— Он покончил с собой, проглотив золото, — ответил Лоу Цзян, и в его зрачках отражались бесчисленные рыбы жу, поглощавшие тело умершего. — Он... кормил собой рыб.

Стаи рыб кружили низко, алые рыбы жу не могли ни говорить, ни плакать.

Но Лоу Цзяну всё равно слышался их печальный плач.

Юноша, просивший одолжить меч, уходил всё дальше. Маленькая девочка, так и не взрослеющая, цокая ножками, вбежала в водную беседку и потянула молодого городского оракула наружу. Сначала она весело болтала о «Классических произведениях», но потом голос

её всё слабел и слабел.

— Цзыянь... в этом году в воду ушло так много людей.

— Угу.

— Цзыянь, когда рыбы жу проснутся на этот раз... они ведь больше уже не уснут, правда?

— Угу.

Лу Цзин стоял как вкопанный и смотрел, как они уходят вдаль.

Женщина у простого окна когда-то гладила его по голове и тихо говорила: «Одиннадцатый, ты должен понимать — чаще всего мы лишь прохожие. Мы не знаем чужой радости и чужой боли...» Они пришли в Город Жу, увидели его под бесконечным дождём, увидели, как в тёмной и сумрачной мгле вспыхивают небесные краски, — и ахнули, и восхитились.

Но разве они в самом деле знали этот город?

Нет.

Они не знали ничего. Они были лишь прохожими.

— Эх, — с тоской вздохнул монах Буду. — Плохо дело. Выходит, это не Чжоу Цзыянь хочет нас убить — нас хочет убить весь город.

Когда знаешь, что в жизни больше не на что надеяться, и знаешь, что смерти бояться незачем,
—

весь город становится сообщником.

<http://bllate.org/book/16967/1588823>